

МЕХАНИЗМЫ САМОАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ПРИЧИНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Внешний мир все больше вторгается в область интимного. Это усиливает психологическое давление и угрозу возникновения дистресса, что, в свою очередь, приводит к необходимости выработки защитных механизмов, включающих трансформацию моделей поведения. Цель данной статьи – проанализировать амбивалентный процесс взаимодействия личности, имеющей выраженную травматическую доминанту, и социокультурного окружения. При этом следует иметь в виду, что человек не может создать защитный механизм, который не являлся бы репрезентацией его культурного опыта. Мы доказываем, что будучи культурно детерминированными, защитные механизмы становятся легитимными с момента своего возникновения и призваны выполнять функцию обновления культуры.

Ключевые слова:

аутизм, адаптационный механизм, девиация, культура, норма, топластический эффект, трансгендер.

Чукуров А.Ю. Механизмы самоадаптации личности как причины социокультурных трансформаций // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 4. – С. 116–121.

© Чукуров Андрей Юрьевич – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: achukurov@yandex.ru

В условиях глобализации и становления информационного общества наблюдается постепенное размытие как государственных границ, так и границ личности, изменение социальной стратификации и активизация миграционных потоков, что приводит к усилению давления на «социальное тело» и кризису самоидентичности. Внешний мир все больше вторгается в область интимного, что является причиной усиления психологического давления и угрозы дистресса. Указанные обстоятельства приводят к необходимости выработки защитных механизмов, включающих трансформацию моделей поведения. В свою очередь, формирующиеся на наших глазах новые модели поведения заставляют нас провести ревизию таких понятий, как «норма» и «девиация».

В статье мы проанализируем амбивалентный процесс взаимодействия личности с социокультурного окружения. В ходе исследования мы покажем, в том числе на конкретных примерах, как под влиянием указанной травматической доминанты происходит трансформация мировосприятия и моделей поведения. А также рассмотрим, как в результате последующей самоадвокации приходит их общественное признание, и как модели поведения, которые ранее считались девиантными и/или миноритарными, перестают таковыми считаться и в свою очередь ведут к трансформации самого социокультурного окружения.

Данное исследование в основе своей имеет культурологический анализ, однако

в ходе его проведения мы будем опираться на разработки и достижения из области психологии, психиатрии, кросс-культурной психотерапии и психофизиологии, а также на имеющиеся на сегодняшний день результаты деятельности таких организаций и сетевых ресурсов, как MindFreedom (<http://www.mindfreedom.org/>), ADAPT (<http://www.adapt.org/>), Autcom (<http://autcom.org/>), Alternative Mental Health Community (<http://www.healthyplace.com/>) и пр., целью которых является мониторинг соблюдения прав личности в сфере психиатрии и разработка методов адаптации и социализации.

Прежде чем перейти к основной части, хотелось бы обратить внимание на основной тезис: на сегодняшний день смысловое наполнение концепта «девиация» кажется чрезмерно широким. В некое мифические «девиантное поле» попадают поведенческие модели и культурные явления, которые порой попросту не вписываются в традиционалистское мировосприятие. Последнее же оказывается жизнеспособными лишь в силу удобства его использования существующей властной структурой.

Девиантное поведение и «культурно-связанный синдром»

Вряд ли у кого-то может вызвать сомнение тот факт, что определенная модель поведения, которая помещена в пространство культурной нормы в одном социокультурном окружении, может оказаться в поле девиантного в другом. Но если, пройдя определенный путь, о котором мы скажем дальше,

данная модель поведения *трансформирует* социокультурное окружение, то она естественным образом уже не будет считаться девиантной. Интересно, что «клиницисты оценивают девиантное поведение и поведение, обусловленное психическим расстройством, отталкиваясь от моделей, усвоенных ими в процессе обучения... и профессионального опыта, приобретенного в рамках конкретных условий или контекста наблюдения. Идентификация, описание, категоризация и разработка плана лечения представляет собой сложный социально-культурный процесс» [3, с. 428]. Исследователи все больше обращают внимание на контекст психических расстройств и того, что не попадает в пределы «нормы». Ведь именно некие общепринятые культурные ценности фактически и определяют, является ли поведение девиантным. Причем происходит это не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне профессиональных, в данном случае, психиатрических оценок. «Изучая расовые различия в психиатрической диагностике, Уэйли отмечает, что вопросы диагностики связаны с одним из двух моментов: а) гипотезой о наличии предубеждений клинициста или б) гипотезой культурной относительности» [3, с. 429]. Речь идет опять же о культурной детерминированности работы психиатров, которые руководствуются, прежде всего, существующими представлениями о норме и девиации в данной культуре.

Кратное увеличение потока мигрантов, заставляет все серьезнее задуматься об изменениях клинических оценок тех или иных моделей поведения. Прежде всего, на первый план все чаще стали выходить проблемы адаптации и связанные с этим ситуации дистресса у мигрантов. Мы имеем дело со сложной амбивалентной картиной, когда те или иные психические состояния, квалифицируемые традиционно как девиантные, возникают одновременно с двух сторон – у мигрантов (экономических, политических и пр.) и у представителей принимающей стороны. И тем, и другим в равной степени приходится вырабатывать механизмы адаптации к новым, стремительно меняющимся условиям взаимопроникновения культур, и именно эти адаптационные механизмы и разрушают основания культуры, казавшиеся незыблемыми и воспринимавшиеся как традиционные.

В этой связи психиатры обратили внимание на такой феномен, как «культурно-связанный синдром» (вариант – культурно-определяемый синдром). Данное словосочетание используется для обозначения определенных телесных практик, которые являются результатом изменения

ментального состояния человека и выходят на поверхность именно в ситуации дистресса. «Особого внимания в культурно-определяемых синдромах заслуживает тот факт, что, несмотря на традиционные верования, лежащие в основе «патологических» манифестаций, их проявления и, возможно, возникновение происходит при столкновении представителей совершенно разных традиционных сообществ с культурными объектами, социальными нормами, жизненными ценностями современного мира и их носителями» [4].

Речь идет о том, что те или иные психосоматические состояния возникают лишь при столкновении представителей различных культур, т.е. при возникновении ситуации интеракции. Девиантное психосоматическое состояние может вообще никак не проявляться в привычной повседневной жизни в естественных, знакомых с детства условиях обитания. Чаще всего подобные состояния проявляются в случае столкновения представителя «традиционного» сообщества с трансляторами «современной постиндустриальной культуры». Иными словами, подобный «культурно-связанный синдром» является ярким примером защитного механизма личности при ее столкновении с внешней средой, воспринимаемой по тем ли иным причинам, агрессивной.

Если «разматывать» эту логическую цепочку дальше, то можно прийти к очевидному выводу, что в европейском культурном пространстве количество «девиантных» – с точки зрения традиционной психиатрии и обыденного сознания – состояний в ближайшие годы резко возрастет. Поскольку психические состояния являются культурно-детерминированными, мы вправе поставить под сомнение валидность психических диагнозов и полностью пересмотреть содержание понятия «девиантное поведение». Вспомним, что «отклоняющееся поведение» – это, с одной стороны, сигнал системе, указание на ее несовершенство и недостаточность, а с другой – стимулирование социокультурной динамики. Девиация указывает на несоответствие системы культурным нормам личности. Если моделей поведения, которые традиционно квалифицируются как девиантные, становится все больше, значит должна меняться система, а не модели поведения.

Нейроразнообразие и процесс самоадвокации

Необходимость изменения смыслового наполнения культурных концептов «норма» и «девиация» вызвана вовсе не одними лишь миграционными потоками. Ин-

формационное общество, неотъемлемой чертой которого является социальная атомизация и распад корпоративных структур, является, пожалуй, основополагающим фактором в процессе формирования смысложизненной вариативности. Так, в европейском и североамериканском культурном поле в последние двадцать пять лет активно развивается весьма примечательное с точки зрения «расшатывания» границ девиантного социокультурное движение за нейроразнообразие.

В дальнейшем мы будем использовать термин «самоадвокация», который как нельзя лучше подходит для обозначения процессов как психофизиологической направленности, так и для характеристики социокультурных процессов. Термин «самоадвокация» (self-advocacy) начал активно использоваться с конца 1960 годов, когда аутисты впервые заговорили о возможности своего активного участия в социальной жизни. Под самоадвокацией понимается «обнаружение и внедрение методов помощи себе и другим людям из вашей собственной популяции в ведении счастливой и продуктивной жизни, которая соответствует вашим собственным нуждам и потребностям других (позволяет самостоятельность решений) и, насколько это возможно (но не более), соответствует требованиям общества» [2].

Самоадвокация субкультуры аутистов фактически началась с опубликования автобиографий самих аутистов, многие из которых заняли видные места в разных профессиональных сферах, т.е. людей уровня Темпл Грандин. Речь шла не просто об осознании себя Иным, но об утверждении собственной активной позиции и праве быть Иным. Индивидуальный опыт «известных» аутистов привлек внимание широкой общественности и послужил причиной создания первых временных сообществ. На ранней стадии опыт аутистов, не занимавшихся публицистической деятельностью и никак не прославившихся, но при этом высокофункциональных, попросту не учитывался. Да и не мог учитываться, ведь у данной категории граждан аутизм попросту не диагностировался! Таким образом, картина была не полной, и общество не реагировало на данное движение какими бы то ни было изменениями даже на оценочном уровне.

Следующий этап становится революционным, а в нашем контексте особенно значимым, ибо речь идет о формировании полноценного информационного общества – интернет сделал информацию доступной и предоставил возможность создавать виртуальные сообщества по интересам и потребностям, т.е. именно инфор-

мационное общество в полной мере позволило провести процесс самоадвокации.

Так появляются форумы и рассылки, ориентированные на взрослых аутистов и родителей детей-аутистов. В те времена, а именно в начале 1990-х гг., проявилось серьезное недопонимание в нарождающейся на тот момент субкультуре. Если взрослые аутисты стремились к общению, и не искали пути «излечения», то родителей интересовал именно второй вопрос. Иными словами, в начале 1990-х годов общество еще не было готово официально признать аутичный образ жизни как один из вариантов нормы. В 1992 г. Донна Уильям и Джим Синклер создают Аутическую сеть – международную организацию [2]. Деятельность этой организации предельно разнопланова – от консультаций для родителей до летних лагерей и научных симпозиумов. Сетевое пространство становится прорывом в самоадвокации аутистов.

Поскольку процесс коммуникации переходит на постоянную основу, он сам по себе требует совершенствования даже на уровне сугубо лингвистическом. Так в коммуникативных практиках данной субкультуры появляется термин «нейротипичные» или «неврологически типичный» для обозначения людей без аутизма, ибо термин «нормальный» попросту не подходит в данном контексте, поскольку понятие «норма» отмирает. Также рождается термин «кузены» аутистов – люди с близкими к аутизму состояниями.

И вот уже пошел обратный процесс – субкультура аутистов начинает влиять на еще недавно репрессивное по отношению к ней общество. К тому времени на экраны уже вышел фильм Барри Левинсона «Человек дождя» (1988) по мотивам жизни одного из самых известных аутистов – Кима Пика. Это человек с феноменальной памятью – он помнил 12 000 прочитанных книг, – который закончил среднюю школу в 14 лет, знал 30 языков, а в 50 лет начал виртуозно играть на фортепиано. А в 1995 году Роберт Земекис снимает фильм «Форест Гамп», где главный герой – типичный недиагностированный аутист. Но событием, закрепившим победу аутизма в мейнстриме становится фильм «Меня зовут Кхан», где главный герой является и диагностированным аутистом, и мусульманином, и эмигрантом одновременно, т.е. ситуация конфликта культурных норм общества и личности явлена здесь наиболее полно. С нашей точки зрения, это знаковое явление, со всей очевидностью говорящее о переосмыслении роли аутизма в мировом культурном пространстве.

Когда некое явление, которое еще недавно было миноритарным, выходит на уровень общественного признания, оно начитает трансформировать само общество. И если когда-то аутисты выработали свой язык и понятную им терминологию в рамках сетевого общения, то теперь они влияют на язык общеразговорный. Именно благодаря данному сообществу появляется «people-first language». Это касается именно английского языка. Разрабатывается такая грамматическая форма, при которой соблюдаются принципы толерантности, исключая любую дегуманизацию: «children without disabilities», а не «normal or healthy kids»; «people with disabilities», а не «disabled». Т.е. вначале идет человек, а потом состояние.

Так, менее чем за 25 лет субкультура аутистов не просто добилась официального признания, но начала оказывать серьезное влияние как на отдельные научные направления (психиатрия), так и на глобальный художественный мейнстрим и разговорный язык. Иными словами, если на начальном этапе культурные нормы общества выступали своего рода репрессивным механизмом по отношению к данному ментальному состоянию, то на сегодняшний день культурные нормы общества трансформированы с учетом новых требований. Представляется, что термин «самоадвокация» может быть распространен и на другие социокультурные движения, толчком для развития которых послужил психофизиологический дистресс, возникший по причине конфликта культурных норм общества и личности.

Трансгендер как механизм самоадаптации

С точки зрения проблемы нормы и девиации, гармонизации физического и социального в психофизиологии человека особое внимание следует уделить феномену трансгендерного тела, в котором как ни в каком другом, актуализируется диалог/конфликт физического и социального. Как известно, трансгендерность – это несовпадение «природного» пола и гендерной идентичности. Совершенно необязательно, что в процессе социализации человек выбирает противоположный пол и идентифицирует себя с ним: бинарная гендерная идентичность уже давно не работает и личность может выбрать любую иную гендерную идентичность. Иными словами, в проблеме трансгендерности, несмотря на набор весьма специфических причин, очень четко и зримо явлена дисгармония физического и социального тела.

Еще не так давно данная модель поведения носила маргинальный характер и считалась психическим отклонением, но

ситуацию стали менять именно известные люди, признанные в силу своего положения истеблишментом. Т.е. возникает та же ситуация, что и в предыдущем случае. Вспомним Брюса Дженнера, ставшего в преклонном возрасте Кейтлин и побившего рекорд по подписчикам в Твиттере. Именно такие люди на начальном этапе могли быть услышаны, и могли позволить себе бросить вызов общественным нормам.

Далее наблюдается постепенный количественный рост трансгендерных моделей, а самое главное – уровень брендов, их привлекающих. Так, официальная рекламная компания японского автомобиля Toyota Auris использовала вместо традиционной женской модели юношу-андрогина (Став Страшко). Слоган «Not trendy, not casual, not for every one» обращен к понимающему покупателю, подчеркивая интеллектуальную элитарность. А ведь Toyota – один из ведущих автомобильных брендов. А другой, косметический гигант – L'Oréal – в ноябре 2014 года объявил о начале сотрудничества с моделью-транссексуалом Леа Черезо. Уже в 2015 году состоялась премьера фильма «Девушка из Дании» по роману Дэвида Эберсхоффа (2000) о первом человеке, которому провели операцию по смене пола. Фактически, мы наблюдаем ту же динамику, что и в случае с субкультурой аутистов.

И вот лицом известной рекламной компании и принадлежащего корпорации «Johnson&Johnson» косметического бренда «Clean&Clear» стал/а Джазз Дженнигс – подросток-трансгендер. По словам модели, будучи биологически мужского пола он/она осознал/а себя девочкой в два года. А в четыре года врачи поставили ребенку диагноз «гендерная дисфория». В 2014 году была опубликована книга Дженнигс «Я Джазз» для детей от 4 до 8 лет, где рассказывается о трансгендерах и о тех трудностях, которые они переживают. Уже следующее поколение будет воспринимать трансгендерность как норму, как одну из форм гармонизации физического и социального и проявление свободы выбора. Т.е. прошедшая самоадвокацию смысложизненная стратегия становится признанной и меняет устоявшиеся культурные нормы.

Столь подробно на данных примерах мы остановились лишь для того, чтобы показать относительность психиатрических оценок, с одной стороны, и многообразие форм сознания – с другой. Культурные нормы общества, доставшиеся нам от предыдущей эпохи, все очевиднее входят в конфликт с номами отдельно взятой личности, которая вынуждена выработать альтернативные стратегии выживания и самоадаптации.

Таким образом, попытаемся представить механизм взаимодействия личности и культуры с точки зрения влияния процесса самоадаптации на трансформацию культурных реалий.

Современная социокультурная среда обитания нередко оказывается агрессивной по отношению к человеку. Как мы уже указывали выше, речь идет о глобализации с ее усиливающимися миграционными процессами; всепроникающем информационном шуме, как неотъемлемой и неизбежной части информационной цивилизации; постепенном распаде корпоративных связей и традиций и атомизации общества.

Все чаще мы сталкиваемся со случаями, когда нормы общественного устройства не успевают за происходящими изменениями и вступают в конфликт с потребностями личности. Общественное устройство выступает репрессивным механизмом по отношению к личности, используя, в том числе, и концепт «девиация». Мы уже писали, что современное смысловое наполнение концепта «девиация» кажется чрезмерно широким и требует коррекции [5, с. 75].

В этих условиях личность оказывается в ситуации дистресса и вырабатывает механизмы защиты и самоадаптации. О.С. Булгакова указывает: «Здесь важным является определение защит как информации. Сначала личность считает объективную информацию, но подстраивает (искажает) ее под свое субъективное видение событий окружающей среды. А потом проецирует ответ в ту же окружающую среду.

Не представляется возможным однозначно ответить на вопрос – благо или вред приносит “защиты” человеку? Мы хотим существовать в объективной реальности, но сами ее деформируем, так как не можем выжить в достаточно агрессивной окружающей среде. Одно можно утверждать совершенно определенно – формирование “защит” является адаптационным, жизнеспасающим признаком» [1, с. 45].

И вот тут мы сталкиваемся с интересным парадоксом, а именно – с патопластическим эффектом культуры¹. Личность, защищаясь от давления социокультурной среды, вырабатывает адаптационные механизмы, которые сами по себе культурно детерминированы. **Т.е. человек не может создать защитный механизм, который не являлся бы репрезентацией его культурного опыта.**

О.С. Булгакова констатирует: «формируется альтернативная психофизиологическая система, искажающая объективную информацию, делая ее более щадящей. Это

жестко иерархичная, доминирующая, непостоянная во времени, с индивидуальными параметрами устойчивости психофизиологическая структура. Ее создание обуславливается индивидуальными психическими характеристиками, особенностью физиологической системной организации, и результатом деятельности которой является дисфункция органа-мишени» [1, с. 46].

Таким образом, в основе *любого защитного механизма*, который характеризуется как «девиантная модель поведения», находятся *травматическая доминанта и патопластический эффект культуры*. Культура является причиной дистресса, но она же определяет способы адаптации, т.е. мы имеем дело с неким механизмом обновления, который «встроен» в тело культуры.

На определенном этапе любой адаптационный механизм проходит процесс самоадвокации, когда рождается осознание общности проблем и возникают «группы взаимопомощи» и начинается целенаправленная защита групповых интересов. В либеральном информационном обществе неизбежным оказывается и процесс адвокации, когда те или иные модели поведения, ранее считавшиеся девиантными и/или миноритарными, обретают общественную поддержку и выходят на авансцену культурной жизни, в том числе посредством художественного текста. На сегодняшний день, как мы уже указывали выше, по причинам размывания физических (государственных) границ и границ личностных, у самых разных категорий населения формируется дистресс и возникает потребность в выработке защитных механизмов. В результате процесса самоадвокации в европейском и российском культурном пространстве будет возникать все больше групп, чья модель поведения не вписывается в представление о «традиционном и/или нормальном», т.е. общепринятом. Однако эти группы будут успешно добиваться общественного признания. Как следствие – то, что получает общественное признание, в свою очередь приводит к трансформации норм культуры и самой социокультурной среды обитания.

Выводы

Для начала сделаем один частный вывод. В связи с мощными миграционными потоками и взаимопроникновением различных культур несоответствие ожиданий и моделей поведения становится неизбежным. Регулярно в фокусе внимания исследователей оказывается проблема адаптации мигрантов к новым социокультурным условиям. Указанная проблема рассматривается с разных точек зрения – психологи-

ческой, педагогической и даже художественной. Особенно же часто анализируются различного рода учебные программы по адаптации мигрантов и функционирование профильных центров. Как правило, исследователи констатируют печальный факт, что на сегодняшний день ни одна из существующих программ не дала сколь-нибудь заметного результата. Мы ранее уже анализировали данный вопрос на примере работы центра «Дети Авраама» в Стокгольме. Ориентированный на работу с детьми из семей исламских мигрантов, он так и не привел к заметному сдвигу и фактически не способствовал успешной адаптации подрастающего поколения «новых шведов». Влияние семьи, где дети проводили куда больше времени, и анклава, в который были включены сами семьи, оказывалось куда сильнее. Иными словами, общество, агентом которого выступал центр «Дети Авраама» не справилось с задачей культурной интеграции. Центр был закрыт, как, впрочем, и многие другие подобные организации.

Анализируя деятельность подобных центров и программ и отмечая тщетность любых попыток адаптации, никто из исследователей не попытался поменять местами задействованных в этой системе акторов. Субкультуры мигрантов уже давно перестали быть миноритарными. Таким образом, они уже трансформировали культуру принимающей стороны самым фактом своего существования и «попадания» в иное социокультурное окружение. По этой причине представляется, что подобные программы должны быть направлены вовсе не на адаптацию мигрантов или не только на это, но и на адаптацию принимающей стороны к новым условиям существования.

Второй вывод носит общий характер и касается исследования в целом. Посколь-

ку выработка адаптационных механизмов (механизмов самозащиты) является следствием конфликта общества и личности и направлена на гармонизацию физического, психического и социального, при этом сами адаптационные механизмы являются репрезентацией культурного опыта в силу патопластического эффекта культуры, то никакие, появившиеся подобным образом модели поведения не могут считаться разрушительными. Будучи культурно детерминированными, они становятся легитимными с момента своего возникновения и призваны выполнять функцию обновления культуры.

Сохраняющиеся на сегодняшний день поведенческие ожидания, где определяющими для моделей поведения являются категории «нормальное» и «девиантное» можно считать более неактуальными. Меняются как модели поведения, так и восприятие этих моделей, идея телесной и ментальной вариативности стремительно укореняется в обществе. Цивилизация меняется, как неизбежно меняются представления о норме и девиации. На наших глазах рождаются целые движения и феномены, которые еще совсем недавно массовое сознание классифицировало как девиантные, а психиатрия фактически констатирует собственную «относительность» в новых условиях. Следовательно, подобные изменения должны отражаться как на всех уровнях социализации, так и на институциональном и законодательном уровнях. Иными словами, ментальную и самоидентификационную вариативность должна учитывать как сфера педагогики, так и законодательство. Лишь в этом случае мы можем говорить о соблюдении прав человека и построении демократического общества XXI века.

Список литературы:

- [1] Булгакова О.С. Формирование адаптационных защит и механизм возникновения психосоматических нарушений. // Актуальные аспекты современной психофизиологии. Сборник научных трудов / Сост. и отв. ред. А.Б. Булгаков – СПб.: изд. НПЦ ПСН, 2015. – С. 45–48.
- [2] Деккер М. На наших собственных условиях: возникновение аутистической культуры. // Синдром Аспергера. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.aspergers.ru/node/229> (15.10.2015)
- [3] Мацумото Д. Психология и культура / Под ред. Д.Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
- [4] Транскультурная психиатрия: критический обзор // Лаборатория интеллектуального сопротивления. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://labiso.ru/transkulturnaya-psihiatriya> (17.09.2015)
- [5] Чукуров А.Ю. Синдром Аспергера, художественный текст и социокультурные трансформации XXI века (к постановке вопроса) // Вестник психофизиологии. – 2014, № 3. – СПб.: изд. НПЦ ПСН, 2014. – С. 73–80.

¹ На сегодняшний день существует несколько весьма схожих дефиниций патопластического эффекта культуры, отсылающих нас к медицинскому знанию. Основная их идея заключается в том, что патопластический эффект культуры определяет феноменологию болезни. Иными словами, «девиантные» модели поведения, вплоть до сюжетов галлюцинаций, формируются приобретенным в процессе социализации культурным опытом и проявляются в контексте конкретной культуры.